

Павел Засодимский

Черные вороны

Павел Владимирович Засодимский

Черные вороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631745

*Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей 60-70-х годов XIX
века: Современник; Москва; 1986*

Аннотация

«...Опять пробка – хлоп, и опять наши вороны, со стаканами шипучего вина в руках, очутились лицом к лицу... Но Григорий Васильевич, худощавый, смуглый, с черными волосами, с темными пронизательными глазами и с тонким, острым носом – гораздо более походил на хищника, нежели наш тучный, мягкий и рыхлый Ермил Иванович...»

Содержание

1

Конец ознакомительного фрагмента.

4

10

Павел Владимирович Засодимский Черные вороны (Из деревенских летописей)

1

Всю осень 1882 года наши пелехинцы были в большом недоумении. Ермил Иванович привел их в недоумение своими странными поступками.

Ермил Иванович Большухин – попросту «Большухич» – поселился в нашей стороне лет 15 тому назад и первый, на своем собственном примере, показал пелехинцам, как надо разбойным образом *«по закону»* из копейки рубль делать. И ловок же был Большухин! Волостной писарь, человек сведущий, читавший газету и любивший употреблять иностранные слова, иначе и не звал его, как *«пролетарием»*.

– Вот уж настоящий пролетарий! – одобрительно говорил он про него. – Из воды сух выйдет, а сухого, глядишь, мокрой курицей пустит... Комар носу под него не подточит... Голова!

Пелехинцы уж и сами видели, что он – голова... И протер

же им глаза этот удал добрый молодец.

Первым делом он скупил за полцены Михайловку. Усадьба была хорошая, со всеми угожьями, с чудесными заливными лугами и богатейшим выгоном. Один сад чего стоил! На трех десятинах был разбит... А в саду-то везде были скамеечки понаставлены, и беседочки понатыканы, с какими-то шариками да со всякими бирюльками, и мостики крашеные, и статуи – все больше женщины голые. Наши мужики на эту самую Михайловку уж давно зубы точили, скупить хотели. Да ведь деревня-матушка тяжела на подъем: год протолковали, да год затылки чесали, пока собрались послать ходоков к барину в Москву, а тут, как на грех, Большухин подвернулся и из-под носу у пелехинцев перехватил Михайловку. Когда ходоки-то пришли в Москву, Ермил Иванович уж купчую написал и все дело оборудовал в самом лучшем виде – так, не солоно хлебавши, и воротились наши восвояси, закусив московским калачиком да позевав на батюшку Василия Блаженного.

Приехал Большухин в Михайловку, начал устраиваться и новые порядки заводить. Он велел раскатить старый барский дом; часть бревен испилил на дрова, часть пошла для поправок кое-каких усадебных построек; сад вырубил дочиста, до последнего пня, все беседочки и скамеечки, разумеется, снес; приказал статуи свалить наземь и разбить ломом вдребезги всех этих белых богинь и красавиц, а обломками их, вместе со щепнем, насыпал тропинку от дома к конюшням,

чтобы, значит, Ермилу во всякую погоду удобно было ходить по двору.

У домов, как и у людей, тоже есть своя физиономия; каждый хозяин накладывает на дом свою печать. Большухин построил дом совершенно похожий на себя, такой же неуклюжий, крепкий, коренастый и без всяких затей – зато уж такой дом не скоро своротишь с места.

Ермил Иванович был мужчина лет пятидесяти с хвостиком, довольно высокого роста, толстый, с красным лицом, с серыми заплывшими глазками и с густыми рыжевато-желтыми волосами. Цвет лица у него был какой-то странный, не смуглый, не белый, а грязноватый. Шеи у него было неприметно, голова сидела почти прямо на плечах. Он был слегка сутуловат, смотрел исподлобья и вообще всем своим видом производил такое впечатление, как будто он ежеминутно хотел кого-то подстеречь, на кого-то броситься...

Пелехинцы в первый раз увидели железную кровлю на большухинском доме... Все усадебные постройки и двор Ермил Иванович обнес таким плотным высоким забором, как будто ожидал нашествия инопленников; завел злющих, свирепых собак; добыл откуда-то из Рязанской губернии трех «приказчиков» (сущие разбойники были, прости господи). Большухин был вдов, бездетен и жил с «Палашкой»; мужики наши звали ее Пелагеей Филипповной. Когда Ермил Иванович бывал в добром расположении духа, то, возвращаясь из города, привозил ей «адеколону», вместо духов, а иногда и

шелковой материи на платье; под сердитый же час спуску ей не давал и не раз, говорят, хлестал ее на обе корки. Палашка только и делала, что спала, ела да грызла подсолнечниковые семечки и щелкала орехи. Была она бела, как сметана, рыхла, как сдобная булка, и глупа, как пробка.

Устроившись, Ермил Иванович обратил внимание свое на соседних мужиков и живо «подтянул» их... Бары уже давно не жили в Михайловне, управляющие часто сменялись – и для пелехинцев несколько лет подряд шли совсем какие-то особенные, патриархальные времена... Их скотина безвозбранно заживала на михайловский выгон, порою забиралась даже в поля; ребятишки залезали в барский сад, как в свою собственную загородь, объедались вишеньем и хозяйничали в садовых беседках... С Ермилом шутки вышли плохи. Как только, бывало, крестьянский скот забредет на его выгон, глядь – приказчик уж тут как тут, и несется, как ураган, на своем гнедом коне, шумит, ухает, гукает... Сейчас, значит, понятых сюда, акт о потраве и т. д., а в воскресенье – пожалуйте, «господа», с денежками в волостное правление.

– У нас на этот счет просто! – говорили приказчики.

Взвыли пелехинцы... Дело в том, что мировой посредник нарезал пелехинцам наделы, как будто нарочно, таким образом, чтобы скотина их непременно заходила на помещичью землю.

Стал Большухин донимать штрафами наших пелехинцев. Тошно пришлось им... Хоть в петлю полезай...

– Помилуй, Ермил Иванович! – плакались они Большухину на первых порах, пока не раскусили, что он есть за птица. – Ведь ты нас этак вконец разоришь! Этакой досады нам никогда еще не бывало... Ей-богу, право! Шили мы до сей поры мирно... а ты вот шкандал затеваешь.

– Какой тут шкандал? – возражал Ермил Иванович, задирая нос. – Никакого шкандалу нет... Всякому свое дорого. А вам до сей поры просто было жить в мире, когда вам удержу не было, – что хотели, то и делали на барской земле... Нет, голубчики! Вы уж оставьте... я *этого* не люблю!

– Ты бы хошь канав нарыл, что ли... – толковали мужики. – А то где ж тут уберечься... Гляди, как выгон-то нам нарезали... клином ведь прямо в твой выгон упирается...

– А мне что за дело! – огрызался Большухин, свысока поглядывая на весь крестьянский мир. – Чего смотрели, когда надел брали! Так вас, дураков, и надо учить! А я из-за ваших глупостей рыть канав не стану... Пастухов нанимайте!

При всей осторожности, пелехинцы все-таки раза два-три в лето платили Ермилу Ивановичу за потраву... Как-то незаметно, исподволь, исподтишка Большухин забрал в руки пелехинцев, да таково ловко, что те и очнуться не успели, как все со своими детишками и животишками очутились у него в кулаке. Тому он отпустит в долг семян, тому хлеба даст до осени, тому денег выдаст под летнюю работу; на всем берет он проценты жидовские, а крестьяне ежатся, да идут к нему.

Невмоготу приходилось пелехинцам...

А у Ермила Ивановича, как на грех, была еще скверная привычка – самым серьезным образом дразнить мужика, тыкать ему глаза «волей».

– Я, брат, принуждать тебя не могу... – рассудительно, смиренным тоном говорил он, все крепче и крепче затягивая петлю на шее своей жертвы. – Ты, брат, человек вольный... Скажем, «по-божески», так... Соглашаешься – ладно, нет – и с богом, скатертью дорога – счастливый путь! Неволить тебя не могу...

– Это что и говорить... – соглашается мужик, попавший в его сети, в самом деле как бы признавая, что он «волен» сам удавиться или предоставить удавить себя Ермилу Ивановичу или кому-нибудь другому.

И Ермил Иванович своими «божескими» разговорами и поддразниванием иногда, бывало, до того дойдет мужика, что даже в пот его вгонит.

– Эх, ну тебя!.. Душу, душу-то вымотал ты у меня... – с укоризной иной раз скажет мужик.

– Чем же это, голубчик, я тебе душу вымотал? – просто-душно спрашивает Ермил Иванович, щуря, как кот, свои маслянистые глазки. – Я тебе привожу настоящие резоны, как есть...

– Резоны... – с затаенной злобой бормочет мужик, неистово почесывая затылок. – Резоны... Понимаешь: жрать нечего, хлебушка нет... а ты – про «волю»!.. Резоны!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.